

Отзыв официального оппонента на диссертацию Прохорова Кирилла Николаевича «МОРФОСИНТАКСИС ЯЗЫКА МОМБО В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Диссертация К.Н. Прохорова представляет собой объемное фундаментальное исследование - комплексное описание языка момбо, относящегося к семье догон, и до сих пор практически неопisanного. Описание языков этой семьи достигло существенного прогресса в последнее время – еще недавно идиомы догон считались диалектами, а сейчас выделяется около полутора десятков отдельных языков. Таким образом работа Кирилла Николаевича вносит существенный вклад как в изучение семьи догон, так и в изучение макросемьи нигер-конго, к которой традиционно относятся языки догон. Кроме того, многие из описанных явлений представляют интерес для лингвистической типологии (например, особенности относительных клауз, которые одновременно задействуют тонологию, морфонологию, морфологию и синтаксис), особенности информационной структуры высказывания. Автору удалось, по сути, первое комплексное описание до сих пор неопisanного языка – именно подобной комплексностью и определяется структура работы, включающая в себя социолингвистические сведения, данные по фонологии, тонологии, морфологии частей речи, синтаксису простого предложения и релятивных клауз, морфосинтаксису именной группы, информационной структуре высказывания. Помимо того, что задача комплексного описания неопisanного языка сама по себе представляется очень сложной (автор должен иметь очень широкий лингвистический кругозор и быть способным к длительной и напряженной полевой работе, часто, в непростых условиях), в случае с момбо эта задача усложнялась специфическими особенностями этого языка – почти все морфосинтаксические явления и процессы оказываются вовлеченными в сложную тонологическую динамику, включающую в себя лексические тоны, метрические характеристики, тональные мелодии (контуры), в свою очередь, связанные с сегментной фонологией (например, тональное маркирование изафетной конструкции). Подобная особенность языка момбо создает для исследователя дополнительные трудности, с которыми диссертант, по моему мнению, блестяще справился. При этом часто для этого требовался очень тонкий анализ нюансов взаимодействия тонологии, морфосинтаксиса и информационной структуры. Таким образом, можно с удовлетворением отметить, что благодаря большой и сложной работе Кирилла Николаевича

Прохорова еще один африканский язык вышел из обширного списка неописанных (малоизученных) языков и пополнил научное поле лингвистической типологии и теоретической лингвистики. Можно отметить, что материал и анализ, представленные в диссертации по объему превосходят традиционный формат кандидатских диссертаций: некоторые разделы диссертации могли бы быть «диссертабельны» и по отдельности, однако заслуживает большого уважения стремление автора завершить именно комплексное описание языка.

В принципе, для формальной процедуры, отзыв можно было бы на этом и заканчивать, но содержательная серьезная работа диссертанта не располагает к подобному формализму. Кроме того, очевидно, что при столь объемном тексте (283 страницы) и разнообразной тематике невозможно избежать некоторых моментов, которые вызывают вопросы, дискуссии, стилистические замечания. Таким образом, позволю себе перейти к дискуссионной части отзыва. Все высказанные ниже замечания или вопросы ни в коей мере не ставят под сомнение высокий уровень диссертации и квалификацию ее автора. Они направлены лишь на возможную корректировку текста для будущей публикации «Грамматики языка момбо», которая была бы крайне желательна. Я буду стараться последовательно «идти по тексту».

В «Главе 7. Фокусные, топик и относительные предложения» (оглавление, с 243), по-моему, можно было бы использовать термин «топикализованные», а не «топик».

Среди задач работы - «описать основные морфосинтаксические свойства основных частей речи – существительных, прилагательных, числительных и глаголов» (с.6) – целесообразно упомянуть и местоимения.

« Синтаксис (в узком смысле слова)» (с.8) – не очень понятен без комментария.

На с.9 среди положений, выносимых на защиту, мы видим фразу «Глагольные формы выступают в момбо в четырёх флективных сериях: нейтральной, субъектной, объектной и предикативной. Основной функцией серий является разграничение сферы действия фокуса предложения.» Без пояснений этот фрагмент не очень понятен – что такое «флективные серии», например. На с. 131-134 становится понятным, что такое глагольные серии для разных видов фокуса, но почему они называются флективными не проясняется. При этом на с. 140 появляются «флективные основы» и «морфологические серии»: «Однако синхронные фонологические правила не допускают изменения такого рода, поэтому нужно рассматривать *-kɔnɔ* как флективную основу, которая одновременно маркирует лицо/число, ТАМ, полярность и морфологическую серию, подобно флексиям перспектива нейтральной серии». На с. 141 появляются еще и «суффиксальные флексии». Мне кажется, терминология требует некоторой унификации и более развернутого обоснования.

На с.11 во фразе «Без них настоящая работа попросту не была бы возможна.» слово «попросту» все же очень выбивается из научного стиля.

«Народы манде» (с.15) – термин не очень удачный, по-моему, происходит смешение лингвистической классификации и этнической идентификации, что не одно и то же. Там же встречаем замечание об общих чертах с языками манде, объясняющимися «относительно недавним контактным влиянием или очень глубоким родством» - но это совсем разные явления, и, в принципе, их компаративистика вроде умеет различать.

На с.19 ссылка на Дьячкова идет без года.

Раздел «фонология» под подпунктом 1.5 в 1 главе не очень вписывается в общий социолингвистический контекст главы. Было бы структурно мотивированнее определить его как подпункт 2 с соответствующими разделами 2.1, 2.2 и т.д. или вынести в отдельную главу.

Фраза «*j* может выступать как перед передними так и перед задними согласными:» даже после замены «согласными» на «гласными» (что, по-моему, очевидно) примерами не подкрепляется, так как (см. текст далее «Ср. *jógé* ‘он(а) склевал(а)’ (о птице), *jáwⁿy^e* ‘ссора, драка’») передних гласных в примерах нет – только задний и средний, на мой взгляд (с.34.). При этом на с. 49 *a* характеризуется как задний гласный – «При этом перфектив использует гласные переднего ряда (ε, е, i), а императив – заднего (а, о, у)». Система гласных звуков в соответствующем разделе на с. 45-46 совсем не представляет признаков ряда и подъема, что вызывает вопросы.

Там же (на с.34) непонятно, почему фраза «Кроме того, аффриката *j* выступает в фонетически близкой форме [j] в интервокальных контекстах» относится к подразделу о «Фрикативных *s* и *z*», а не к предыдущему подразделу об «аффрикате *j*». И не понятно начало фразы в сноске 17 «Переход замена фр. [z] на [s] вероятно указывает на то, что это слово заимствовало через посредничество языка фула.»

Фраза в сноске 20 на с.50 – «в общем прадогонском языке могла существовать система с более богатым вокализмом за счёт фактического различения этих гласных вокализмом» требует стилистической правки.

На с.51 мы читаем «Я использую индексы для различения глубинных – ATR и + ATR фонем, 1 - для –ATR и 2 для +ATR. ... Далее мы будем именовать эти 2 класса –ATR и +ATR соответственно» Индексы (1,2) вроде так и не появились, и зачем они были постулированы не понятно.

Из пояснения к примеру на с.53 не понятно, почему *ɔ* перешло в *a* при добавлении *y*: «Пример *wè:-yá:-y* (с посессором) ‘дочь’, композит, состоящий *wè:* ‘ребёнок’ и *-ya:*, формы *yô:* ‘женщина’, в сочетании и застывший уменьшительным суффиксом *-y*». И синтаксис фрагмента требует правки.

С.55 «По отношению к одно- и двухморным основам я использую термин «краткие», а по отношению к основам, содержащим более одной моры – «долгие».» Это не понятно. Только на с. 95 мы выясняем, что долгие – это больше 2 мор – «Это различие уже было введено для основ существительных в п. 1.5.9. Для глагольных основ эти термины определяются точно так же: основа, состоящая из двух мор, называется краткой, а основа, которая содержит более двух мор, называется долгой».

На с. 62 остается вопрос о возможности ассоциативного множественного для личных имен («кофе» типологически не самый очевидный кандидат на «ассоциативность»). В этом же разделе хотелось бы видеть более репрезентативный список имен с *-nge* в плюралисе (упоминаются только «догон» и «кузнец», правда, на с. 217 появляется еще «фульбе», а на 218 – «человек из низшей касты»). Исключений приводится больше, чем примеров на само правило.

Термин «матичные глаголы», встречаемый на с. 64 и 65 остается не ясен: видимо, «матричные»?

На с.69 единственный пример деривативного суффикса *-ga* с неличным (неагентивным) значением («*mó:li-gà* 'плохой запах'») выбивается из общего семантического ряда и требует комментария об этом (возможно, «человек с плохим запахом»?).

Использование в переводе русской формы плюралиса «колена» от «колени» (с.70) также требует комментария, особенно на фоне уже встречавшейся в текст формы «кластера».

В разделе об эмфатических местоимениях возникает два вопроса: как маркируется субъект в неглагольной (именной) предикации, и почему общий маркер для пациенса переходных глаголов и реципиента дитранзитивных определяется как «косвенное (*oblique*) дополнение» (с.74). По терминологии М. Хаспельмата, на которого ссылается автор, подобная ролевая стратегия является «секундативной», а термин «косвенное дополнение» относится к R в индирективной стратегии (P=T/ R). Насколько я помню, для секундативной стратегии используются термины «proximate» (P=R) и «obviative» (T) objects.¹ В конце раздела для тех же форм появляется термин «объектные», что лучше, чем «косвенные», но ставит вопрос о трактовке совпадающих форм эмфатических субъектных и T-местоимений в дитранзитивных конструкциях – T ведь тоже объект. Впрочем, на с.82 этот маркер *w'* опять называется «показателем косвенного дополнения». И в примере 210 на с.163 реципиент, маркируемый как прямое дополнение в обычных переходных конструкциях определяется как «*oblique*».

В разделе о притяжательных конструкциях с прономинальным посессором во фразе (с.75) «Кроме того, существует серия свободных местоименных посессивных показателей, следующих в именной группе за прилагательными и числительными. Эта серия чаще всего используется для выражения неотчуждаемой принадлежности.», видимо, надо читать «отчуждаемой», это ясно из примеров. Впрочем, из примеров «мой отец» и «мой дом» не вытекает оппозиция именно «отчуждаемости/неотчуждаемости», скорее, противопоставление различной маркировки посессивности для аутосемантических и реляционных имен. Для решения проблемы нужно больше примеров с терминами родства и другими

¹ Дискуссию об удачности/неудачности термина «дитранзитивная конструкция» для случаев различной маркировки T и R я оставляю вне рамок отзыва по причине сложившейся устойчивости термина и объема необходимой аргументации. То же относится и к термину «тема» как пациентивный актант «дитранзитивных» конструкций.

потенциально реляционными именами («верх/низ», «друг») и «частями тела». Пример 261 (с.176) – «моя раненная рука» с перемещением посессора вправо (как свойственно «отчуждаемому» посессору в терминологии автора) говорит в пользу предложенной мной трактовки оппозиции посессивности. Впрочем, возможность аффиксального прономинального посессора у слов типа «вещь», «вода», «собственность» (пример 363, с.200) делает проблему еще более сложной, так как эти лексемы не очень соответствуют ни реляционности, ни неотчуждаемости. Возможно, значимо их (а также лексемы «голова») противопоставление терминам родства («отец», «мать») и другим частям тела («рука», «нога», пример 364, с.200) по тоновому конуру. Эта сложность в определении специфики посессивных конструкций проявляется и на с. 238 – «Употребление *na* в качестве показателя определённости наиболее легко обнаружить в тех случаях, когда этот показатель присоединяется к автосемантическим, а не к реляционным именам. Такая ситуация исключает возможность прочтения его как маркера неотчуждаемого посессора...»

В разделе о логофорических местоимениях (с.75) - проблемы с примером 57: «суффиксом *ké-*» надо заменить на «префиксом», и из примера исчез глагол «сказать».

Примеры 75-76 на с. 83-84, на мой взгляд, скорее, указывают на невозможность для прилагательных (в отличие от существительных) выступать в роли предиката, чем в роли «вершины именной группы». Примеры 76-77 очень похожи на конструкции в гбан (манде), где также для фразы «Он – старый» требуется конструкция «Он – человек старый», т.е. прилагательное не может быть частью предиката без вершинного существительного.

В отношении списка 3 типов прилагательных на с.86-88 было бы интересно узнать есть ли пересекающиеся по значению формы в разных группах.

Непонятно, почему числительные на с.90 называются «порядковыми»: из примеров это не следует, видимо, все же «количественные».

На с. 97 я не понимаю, почему конечный гласный односложных глаголов называется «тематическим»: «Ср. чередования тематических гласных у форм глагола *wé*: ‘он(а) плакал(а)’».

На с. 98 вводится понятие «активных» и «стативных» глаголов, делается отсылка к параграфу 4.4.3, но для чтения текста это не удобно – остается непонятным почему «умирать» - активный глагол. На с.110 в разделе о каузативах опять же непонятно, почему из 5 глаголов, определяемых как «активные», 4 – типа ‘быть на вертикальной поверхности’ и только 1 – ‘зажать (кого-либо/что-либо)’, действительно, похож на «активный» глагол. В разделе о каузативах на *-gV* появляется термин «морфологически активные непереходные основы»: «Суффикс *-gV* (*-ge* в перфективе) добавляется к морфологически активным непереходным основам». При этом в таблице 36 и примерах 123 (с.111-113) глаголы не выглядят как активные (‘быть слепым’). Не ясно, что такое «стативные переходные глаголы» в таблице 43 на с.129. Когда мы, наконец, доходим до параграфа 4.4.3 мы видим информацию только

о стативных глаголах (активные не упоминаются). При наличии исключений из морфологических особенностей этой группы (4 глагола) и упоминании о целом ряде семантически стативных глаголов как активных (см. выше) статус этих терминов остается не до конца понятным.

Можно также заметить, что «клитика =yⁿ» на с.134 вызывает некоторые ассоциации с эвиденциальностью.

Во фразе на с.143 «В данной конструкции каждая клауза кроме последней содержит форму объектной, а последняя клауза в цепочке – форму нейтральной серии (°PFV, °PFV, °PFV...^NPFV)» слово «каждая» явно лишняя, так как в относящемся к ней примере есть всего два глагола. На той же странице в примере 170 из глоссирования не ясно, где выражено отрицание:

Bómógó=wⁿ ñ-nàndà-té:y'è.
Бамако=OBL ^N1SG-идти-
EXPE

‘Я никогда не был в Бамако’.

В таблице 63 на с.150, видимо, надо везде заменить «перфектив» на «имперфектив».

Фраза на с. 156 «Инхоативная или причинного производного в перспективной форме может использоваться для выражения отсылки к будущему времени» не понятна совсем.

Не уверен, что для примера на с.157 «Ср. статив *íngá* ‘он(а) стоит’ и инхоатив *íngé* ‘он(а) остановился(-лась)’» подходит термин «конверсия» даже в самом широком его смысле.

Там же «Стативные положительные глаголы» - не удачно стилистически, как и слово «мат» при переводе примеров 192-193, в африканских реалиях, это, видимо, является «циновкой».

Слово «обликвус» на с. 164 мне не знакомо.

Перевод «дядя» из примера 220 (с.165) для языков нигер-конго часто бывает не диагностичным, так как «дяди» по отцовской и материнской линии различаются.

Несколько странно (или неполно) выглядит раздел о валентностных классах глаголов: отсутствует информация об активных (агентивных) непереходных глаголах (типа «бежать») и глаголах с нулевой (безличной) валентностью (типа «рассветать»). В принципе, структура раздела 5 «Синтаксис простого предложения» не выглядит логичной: помимо уже обозначенных выше лакун, мы почти не видим информации об именной предикации, кроме раздела 5.7 о копуле, используемой в конструкциях идентификации. «Валентностные классы» глаголов идут не как подразделы под общим заголовком, а как отдельные разделы, порядок слов мог бы описываться отдельно для разных типов предложения, как и падежи. Я бы видел «синтаксис простого предложения» как описание типов и особенностей таких предложений: именная (идентификационная, квалитативная, локативная, презентативная) и глагольная предикация (безличные предложения, непереходные активные/стативные, переходные,

дитранзитивные) со своим порядком слов, типом глагольной индексации и падежным маркированием.

Фраза (с.175) «Отделимость составляющих ИГ в относительном предложении...», видимо, должна быть или продолжена, или вынесена в подзаголовок, а таблица, посвященная этому процессу, должна быть обозначена заголовком.

Перевод примера 263 (с.176) не соответствует глоссированию.

Очень интересен сюжет (например, с.185-187) об обязательном появлении вершин-существительных («человек», «вещь») при атрибутивном расширении именных групп, с вершинами, выраженными числительными или притяжательными местоимениями. Мне кажется, что это демонстрирует один из возможных каналов возникновения именной классификации, напоминая нумеративные классификаторы. К этому же сюжету относится появление «эпентетических» имен в посессивной конструкции (см. пример 354, с.197) и раздел о «препозитивных классификаторах» (с. 229-230)

Интересен раздел про идеофоны, в отношении которого можно упомянуть, что в суахили (банту, нигер-конго) «идеофоны» также употребляются, в основном, с определенными прилагательными (валентность очень ограничена), но есть выражение *giza totoro* «тьма тьмушая» (ср. похожий пример на с.216). Правда, мне кажется, стоит упомянуть некоторый проблемный момент: все же подобные лексемы, традиционно называемые в языках нигер-конго «идеофоны», очевидно, не совсем те же «идеофоны», что лексемы, действительно, имеющие связь с денотатом-звуком: «кукарекать», «мяу», «булькать». В рассматриваемых догонских примерах (как и в моем суахилийском) связь между денотатом «чернота» и фонетическим сегментом *kirikri* совсем не очевидна.

На с. 235 постулируется возможность сопровождения «показателя определенности *bâ:*» падежной клитикой, но примеров не приводится. Очень интересен анализ фокализации с предлагаемой иерархией «топикальности», но у меня возникает вопрос почему R объединяется с T, а не с R (с. 250), в то время как по морфосинтаксическим характеристикам стратегия маркирования секундативная (P=R/ T).

В списке сокращений все глоссы – на латинице, но последняя почему-то русская: «МП - местоименное подлежащее».

Ну, и, пожалуй, сказать, что работа лишена опечаток и стилистических погрешностей, было бы преувеличением.

Все эти замечания, тем не менее, являются дискуссионными и не ставят под сомнение большую работу диссертанта, его лингвистический кругозор, тонкость проведенного анализа и большую значимость работы для африканского языкознания.

Работа К.Н. Прохорова полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9-14 "Положения о присуждении ученых степеней", утвержденного

постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени.

Доктор филологических наук,
доцент, профессор

Желтов А.Ю.

24.05.2022

ПОДПИСЬ РУКИ
Желтова А.Ю.
УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГУОРП

Хомутская Л. П.

24.05.2022

